

В поисках прототипа: граф Алексей Вронский — Николай Раевский 3-й (Краткий опыт визуальной идентификации)

Даже те, кто не читал знаменитый роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина», обязательно знают его начало и финал. Начало — текстуально: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Все смешалось в доме Облонских» [Толстой 1927–1964-18: 3]. Финал — фактически: после самоубийства Анны Вронский добровольцем уезжает в Сербию на войну с турками. О дальнейшей судьбе его Толстой не упоминает, однако очевидно, что тот покидает Россию, чтобы умереть: «Я рад тому, что есть за что отдать мою жизнь, которая мне не то что не нужна, но постыла» [Толстой 1927–1964-18: 361]. Слова эти — о желании смерти — не просто художественный приговор автора своему герою, обусловленный логикой развития сюжета. В той или иной форме (а Толстой, варьируя, повторяет их трижды) они не могли не прозвучать, ведь за ними скрылась вполне конкретная судьба.

* * *

Попытаемся доказать, что у графа Алексея Вронского был реальный прототип, который действительно погиб в Сербии. Это случилось 20 августа 1876 г. — когда на высоте Голо Брдо, что у селения Горни Адровац в Поморавье,

получил смертельное ранение отставной офицер русской армии Николай Николаевич Раевский. Именно с него, согласно широко утвердившейся версии, писал Толстой образ возлюбленного Анны*. Хотя были современники, полагавшие, что Вронский — это совершенно иной человек. Так, известный дипломат Н. В. Чарыков писал в мемуарах, правда, не называя имен, что познакомился с «Вронским» в 1881 г. в Петербурге, где тот проживал, а в последний раз встретился с ним восемью годами позже «на обеде в русском посольстве в Париже» [Чарыков 2016: 69].

Среди потомков Вронского также есть немало скептиков. Например, в безбрежном море литературы о Толстом существует мнение, что для героя «Анны Карениной» автор «заимствовал имя Ю. Вронского (1788–1853)» — польского математика и философа, проповедника шляхетского мессианизма, — которое он мог слышать от А. И. Герцена во время путешествия в Европу [Порочкина 1983: 142]. С другой стороны, утверждается, что фамилия Вронский восходит к неким барону Вревскому [Гусев 1963: 307; Якубовский 1913: 23] или Воронцову [Толстой 1939: 567] — знакомым автора романа. С третьей — высказана мысль, что прототипом этого персонажа «был известный поэт А. К. Толстой» [Литературное наследство 1965: 462; Бабаев 1975: 69]. Наконец, имеется сочинение, в котором «трагический разрыв с обществом князя (sic! — А. III.) Вронского», бросивший его под турецкие пули, объясняется всего «лишь творческим полетом мысли Толстого» [Задохин, Низовский 2000: 217]. То есть прототипа вообще как бы не существовало. Эту позицию *бесплотного образа* разделяют и литературоведы. «Самая фамилия Вронский, — пишет один из них, — выбранная Толстым после долгих поисков, звучит как сознательная стилизация:

* Особенно прочно данная версия укоренилась в Сербии. Там нет практически никого, кто сомневался бы в ее подлинности... В отечественной литературе она также имеет своих верных приверженцев, см. [Корнилов 1975; Моисеева 1981; Петров 1998] и др.

словно Толстой намеренно подчеркивает связь этого персонажа с литературными героями 30-х годов (Пронский, Минский и др.)» [Эйхенбаум 1974: 150]*.

Уважая приведенные точки зрения, постараемся все же развеять сомнения их авторов в правомерности «канонической» версии, используя метод визуальной идентификации. Как нам представляется, такой метод дает немало возможностей для историко-литературоведческой реконструкции, поскольку имеющегося в романе и его черновиках материала достаточно, чтобы провести хотя бы беглое физиономическое исследование образа Вронского и сравнить полученный результат с известными изображениями того, кого мы считаем его прототипом.

* * *

Начнем с того, что толстовский герой, несмотря на свою молодость, был лыс — «Вронский действительно преждевременно начинал плешиветь» [Толстой 1927–1964-18: 189]. В ранних редакциях романа эта особенность его внешности выражена еще более явственно. «Однако, как ты оплешивел, — сказал Степан Аркадьич, — глядя на его почти голую прекрасной формы голову и короткие черные, курчавившиеся на затылке волосы» [Толстой 1927–1964-20: 27]. Автор, как видим, уточняет, что лысеть Вронский начал со лба, а не с макушки, что для нас немаловажно. И далее о том же: «Иван Балашов** надвинул прямо с затылка на лысину свою фуражку и вышел, разминаясь ногами» [Толстой 1927–1964-20: 30]. Этот-то его *черновой* портрет (в окончательном тексте такие детали отсутствуют) мы и сопоставим с фотографиями Раевского. Их всего две. На более ранней он снят в лейб-гусарской венгерке со шнурами, на другой, сделанной уже в Белграде, — в двуборт-

* «Любопытно, — продолжает автор, — что эта фамилия есть и у Пушкина — в черновике отрывка „На углу маленькой площади“ („Женат, кажется, на Вронской“») [Эйхенбаум 1974: 150].

** Иван Балашов и Удашев — фамилии главного персонажа в первоначальных вариантах «Анны Карениной».

ном скюртуке с эполетами. На голове в обоих случаях кефи французского типа (именно такой головной убор по Уставу должен был носить и Вронский). Очевидно, что Раевский любил одевать его набекрень, и это облегчает нашу задачу. И что же мы видим? Из-под верхнего обреза фуражки (особенно это заметно при развороте головы на белградский манер) не выбивается ни одной пряди, высокое чело офицера девственно чисто...

Вторая деталь внешности — это борода, гораздо больше говорящая о сходстве героев, чем всякие другие, абстрактные определения типа лица: «красивое», «твердое», «выразительное» (все это есть у Толстого применительно к облику Вронского). В романе он бородат, но этот внешний признак описан автором очень по-разному и в окончательном варианте произведения, и в черновиках. Ощущение такое, что чем ближе к развязке, тем пристальнее всматривается автор в лицо Вронского, в некий вполне конкретный портрет. В чей же? И когда он мог его видеть?..

Для ответа на поставленные вопросы проследим динамику финальной стадии работы Л. Н. Толстого над романом. Общеизвестно, что он крайне отрицательно отнесся к добровольческому движению в России во время Сербо-турецкой войны 1876 г. Невероятно, но факт — именно эта «нелюбимая» им война во многом спровоцировала всплеск вдохновения; она же дала конечное направление развитию сюжета. Мы отдаем себе отчет в том, что такой вывод весьма непривычен для традиционного толстоведения, но все же позволим себе настаивать на такой точке зрения. Г. Н. Моисеева пишет: «Очевидно, что в то время, когда Л. Н. Толстой заканчивал работу над последней частью „Анны Карениной“, он уже знал, что его герой — Алексей Вронский — погибнет на Балканах» [Моисеева 1981: 199]. Знать-то знал, здесь нет никаких сомнений, вот только когда он так решил? Смеем утверждать, что отнюдь не в момент завершения работы

«над последней частью» романа, а гораздо раньше. Факты — приватные записи Толстого и его близких.

Из текста многочисленных черновиков очевидно, что сначала судьба Вронского по замыслу автора должна была решиться в Туркестане. Но что-то произошло, и герой был отправлен умирать в Сербию. Почему именно туда? В этой связи проследим за настроением писателя в это время. Хорошо известно, что примерно с 1875 г. его творческая работа шла крайне тяжело: смерть ребенка, любимой тетушки не могли не подкосить Л. Н. Толстого. Роман, тем временем, уже печатался в катковском «Русском вестнике». В начале сентября 1876 г. Толстой отбыл в свое самарское имение, чтобы отдохнуть — в том числе и «от всей этой сербской бессмыслицы» [Толстой 1927–1964-62: № 244] *. Его состояние было жутким. Старший сын, Сергей Львович, вспоминал: «15 сентября мать писала своей сестре: „Левочка постоянно говорит, что все конечно для него, скоро умирать, ничего не радуется, нечего больше ждать от жизни”» [Толстой 1968: 51]. 20 сентября он вернулся в Ясную Поляну [Гусев 1958: 460]. И что же? Пошла ему на пользу поездка? Как сказать... 10 октября Софья Андреевна извещала сестру о том, что «Левочка за писание свое не взялся, и меня это очень огорчает» (цит. по [Гудзий 1939: 622]). Два дня спустя то же самое — запись в дневнике об унылом, апатичном настроении супруга [Дневники 1928: 106–107].

8 ноября Толстой отправился в Белокаменную, где пробыл до 10 числа [Гусев 1958: 461]. Что двигало им? Находим ответ в письме соседу и приятелю А.А. Фету: «Ездил я в Москву узнавать про войну. Все это волнует меня очень» [Толстой 1927–1964-62: № 292]. Комментируя данное выражение, большинство авторов полагает, что речь шла о «назревавшей войне с Турцией» ([Толстой 1927–1964-62: 289; Гусев 1958: 461; Эйхенбаум 1974: 143

* При цитировании писем Толстого указывается номер документа.

и др.]). Вроде бы да, но не все так просто. В этой связи обратимся к письму другому близкому другу писателя и глубокому интерпретатору его произведений Н.Н. Страхову от 12–13 ноября — к важнейшему для нас документу. В нем Толстой не только повторил уже известные мотивы своего путешествия, но и дал новую оценку балканским событиям. Итак: «Был на днях в Москве только за тем, чтобы узнать новости о войне. Все это очень волнует меня. Теперь вся ерунда сербского движения, ставшая историей, прошедшим, получила значение. Та сила, которая производит войну, выразилась преждевременно и указала направление» [Толстой 1927–1964-62: № 294].

Этот адресованный другу пассаж весьма многозначен. Здесь писатель впервые наделил «сербскую ерунду» немалым смыслом в контексте военных приготовлений России, связав одно с другим в неразрывное целое. Вооруженная борьба сербов с турками, хотя и закончившаяся поражением, *получила значение*. Она же *указала направление*. И, думается, не одной только русской политике, но и продолжению романа, ведь Толстой реагировал на события прежде всего как художник и лишь затем как политический наблюдатель. Таким образом, московские впечатления, выраженные в послании Страхову с четкостью формулы, привели к повороту сюжета. И судьба графа Вронского была решена. Заметим, что столь авторитетный ученый, как В. Шкловский, давно уже прочувствовал такую *прерывистость* «Анны Карениной»: «Роман недаром появлялся с перерывами: это не только перерывы работы, это поиски новых решений...» [Шкловский 1963: 493].

Данное заключение подтверждается и тем, что именно после Москвы Толстой преобразился. И как! Ушла апатия, поднялся тонус и пошло писание, словно плотину прорвало. Все стало ясно — и с войной, и с романом.

Снова откроем его письмо Страхову: «Приехав из Самары и Оренбурга, вот скоро два месяца, я думал, что

возьмусь за работу, окончу давящую меня работу — окончание романа — и возьмусь за новое; и вдруг вместо этого всего ничего не сделал. Сплю духовно и не могу проснуться. Нездоровится, уныние. Отчаяние в своих силах <...> Думать даже, и тому нет энергии. Или совсем худо, или сон перед хорошим периодом работы» [Толстой 1927–1964-62: № 294]. Напомним, это написано автором через два дня после возвращения в Ясную; хорошо видно, *что* с ним творилось до поездки. Но ум уже работает, переваривая Москву, ее впечатления. И брезжит надежда — может, то был «сон перед хорошим периодом работы»? *... Буквально следующий день внес перелом, сменив вопрос утверждением.

20 ноября Софья Андреевна записала в дневник: «Всю осень он говорил: „Мой ум спит“, и вдруг неделю тому назад (т. е. как раз тринадцатого. — А. III.) точно что расцвело в нем: он стал весело работать и доволен своими силами и трудом» [Дневники 1928: 37]. И сам Толстой начал вдруг извещать приятелей о переменах в себе. 17–18 ноября он писал Страхову: «Я немножко ожил, дорогой Николай Николаевич, и перестаю презирать себя». Понятно, что речь шла не только о физическом состоянии, но и о «творчестве, которое, льщу себя надеждой, что нашло на меня эти последние дни» [Толстой 1927–1964-62: № 296]. 6 декабря — ему же: «Я, слава Богу, работаю уже несколько времени, и потому спокоен духом» [Толстой 1927–1964-62: № 297]. На следующий день — Фету: «Я понемножку начал писать и доволен своей судьбой» [Толстой 1927–1964-62: № 298]. 10 декабря — опять Фету: «Работа моя идет хорошо и готово почти на книжку („Русского вестника“. — А. III.)» [Толстой 1927–1964-62: № 299]. В ту же пору — брату, Сергею Николаевичу: «Я долго не мог наладиться, а теперь поехало, и это очень радост-

* 11 ноября Софья Андреевна писала Т. А. Кузминской: «Левочка совсем не пишет, в унынии, и все ждет, когда уяснится у него в голове и пойдет работа» (цит. по [Гудзий 1939: 622]).

ное чувство» [Толстой 1927–1964-62: № 300]. Наконец, С. А. Толстая — этот наиболее чуткий барометр состояния мужа — успокоенно сообщала сестре в письме от 9 декабря: «„Анну Каренину” мы пишем наконец-то по-настоящему, т. е. не прерываясь. Левочка оживленный и сосредоточенный, всякий день прибавляет по новой главе» [Толстой 1927–1964-62: 294].

О том, сколь высок был этот творческий взлет, Толстой проговорился сам. Много позже, в беседе с писателем С. Я. Елпатьевским, узнав, что тому было сорок восемь лет, он заметил: «Сорок восемь!.. Самое лучшее время моей работы. Никогда так не работал, „Анну Каренину” писал» [Елпатьевский 1960: 184]...

Начало *такой* его работе положила поездка в Москву. Она же, повторимся, окончательно скорректировала сюжет романа, придав финалу сербский колорит. Впрочем, иначе и быть не могло; только в ней Толстой мог ознакомиться со всеми обстоятельствами смерти Раевского, равно как и с деталями его миссии вообще — осенью 1876 г. они широко освещались в русской печати. Вырвавшись из своего захолустья, писатель штудировал прессу, о чем свидетельствует и ответ Страхова на известное письмо. Анализируя приведенную в нем «формулу Толстого», он писал: «Не сумел бы я так хорошо выразить, как Вы, впечатление от газет, но чувствую, какая правда Ваши слова» [Переписка 1916: 95].

Добавим, что, кроме этих самых газет, в России издавались и многочисленные иллюстрированные журналы. Так вот, по крайней мере в трех из них — «Всемирной иллюстрации», «Пчеле» и «Ниве» — обширные статьи-некрологи сопровождались портретами Раевского, он стал известен. На портретах (их мы вкратце уже касались) — мужественное лицо, голый лоб под сдвинутой на одно ухо фуражкой и густая борода. Спрашивается, мог ли Толстой не заметить этих изображений? Думается, вряд ли. Но тогда, может быть, они как-то отразились в наружност-

ти Вронского? Текст романа дает возможность поразмыслить и об этом.

* * *

О плешивости Вронского, почему-то упорно не замечаемой ни театральными, ни кинорежиссерами, выше уже говорилось, но это явление скорее генетическое и имеет объективный характер. Борода же — дело другое. Носить ее или не носить, а если носить, то какую — всецело во власти субъекта. Толстовский герой бороду носил, но, как мы уточнили, не всегда и неодинаковую. Интересно, почему? Согласно окончательной версии романа, Вронский сначала бреется (автор дважды упоминает об этом): его «свежевыбритый подбородок» фигурирует во время описания визита к Щербацким [Толстой 1927–1964-18: 55]; в другой же раз, наоборот, он садится к столу приводить свои дела в порядок, «не бреясь и не купаясь» [Толстой 1927–1964-18: 319]. Заметим, что оба эти упоминания относятся к первой и третьей частям романа, которые писались еще до «сербской ерунды».

Но далее, спустя несколько сотен страниц, Вронский — уже с бородой. Таким видит его читатель: «Ну, я очень рад. А ты здорова? — сказал он, отерев платком мокрую бороду и целуя ее руку» [Толстой 1927–1964-19: 244]. Где об этом пишет Толстой? В последней, тридцать второй главе шестой части. Когда она писалась? Зимой 1876–1877 гг., т. е. после возвращения автора из Москвы, поскольку хорошо известно, что начинался его творческий

подъем в середине ноября с работы над двадцатыми главами пятой части. 20 ноября Софья Андреевна зафиксировала в дневнике: «Сегодня, не пивши еще кофе, молча сел за стол и писал, писал более часу, переделывая главу: Алексей Александрович в отношении Лидии Ивановны и приезд Анны в Петербург» [Дневники 1928: 37]. Явно напрашивается решительный вывод. Но, чтобы он стал более убедительным, необходимо еще раз заглянуть в черновики писателя.

В первоначальных редакциях романа, когда речь идет о бороде Вронского, она у него *всегда* подстрижена. Например, при посещении Щербацких: «...и борода, хотя свежевыбритая, синела по щекам и подбородку» [Толстой 1927–1964-20: 27]. Первое впечатление Анны: «Ее поразила вся фигура Удашева. И поразила приятно. Она не помнила, видела ли она когда-нибудь таких маленьких, крепких, с черной щеткой бороды, спокойных и джентльменов» [Толстой 1927–1964-20: 71]. И еще: «Но эти неизменяющиеся, твердо блестящие глаза. И эта частая щетка бритой бороды на широких скулах» [Толстой 1927–1964-20: 668]. *Такая борода «не мокнет», ее не нужно «вытирать платком».*

Ну а теперь и логичный, на наш взгляд, вывод: обрамление автором дотоле бритого лица Вронского *окладистой* бородой, по нашему мнению, совсем не случайно. Хронология и воспроизведенные отрывки черновиков позволяют предположить, что сделал он это намеренно, под впечатлением знакомства с посмертным портретом Раевского — в Москве, в ноябре 1876 г. Наружность героев, таким образом, окончательно совпала...

Литература

- Бабаев Э. Г. Роман и время. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. Тула, 1975.
Гудзий Н. К. История написания и печатания «Анны Карениной» // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. 20. М., 1939.
Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828–1890. М., 1958.

-
-
- Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963.
- Дневники Софьи Андреевны Толстой.* 1860–1891. М., 1928.
- Елпатьевский С. Я.* Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1960.
- Задохин А. Г., Низовский А. Ю.* Пороховой погреб Европы. М., 2000.
- Корнилов Ю. Э.* Как погиб граф Вронский. М., 1975.
- Литературное наследство. Т. 75. Толстой и зарубежный мир / Ред. С. А. Макашин. Кн. 2. М., 1965.
- Моисеева Г. Н.* Образ Вронского в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (О литературном прототипе) // Классическое наследие и современность / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1981.
- Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894. М., 1916.
- Петров А.* Добровольцы // Родина. 1998. № 5–6.
- Порочкина И. М.* Л. Н. Толстой и славянские народы. Л., 1983.
- Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. В 90 томах (юбилейное издание). М., 1927–1964.
- Толстой С. Л.* Об отражении жизни в «Анне Карениной» // Литературное наследство. Т. 37–38. М., 1939.
- Толстой С. Л.* Очерки былого. Тула, 1968.
- Чарыков Н. В.* Беглый взгляд на высокую политику. М., 2016.
- Шкловский В.* Лев Толстой. М., 1963.
- Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1974.
- Якубовский Ю. О.* Л. Н. Толстой и его друзья // Толстовский ежегодник 1913 г. СПб., 1913.